

A black and white image featuring a central silhouette of a person standing. The person is surrounded by a thick, white, ethereal mist or steam that rises from their head and spreads outwards, creating a halo effect. The background is solid black, making the white mist and the person's outline stand out prominently. The overall mood is mysterious and contemplative.

Юна Радько

**Чай, который
остывает
быстрее
ЖИЗНИ**

Юна Радько

**Чай, который остывает
быстрее жизни**

«Автор»

2026

Радько Ю. С.

Чай, который остывает быстрее жизни / Ю. С. Радько — «Автор»,
2026

Мин работает в похоронном бюро, где чай остывает быстрее, чем успевают привозить покойников. Однажды в зелёном чае она видит женщину с котом — и не понимает, это галлюцинация или послание с того света. Мистическая история о жизни, смерти и конечно же чае.

© Радько Ю. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юна Радько

Чай, который остывает быстрее жизни

Глава 1

Мин опоздала.

Но это было не её виной. Это покойник виноват.

— Да вы посмотрите на него, — сказала Мин, влетая в двери похоронного бюро «Лотос» с пакетом еды в одной руке и туфлями в другой. — У него совесть есть? Умирать в час пик? На Сатурдей-роуд?

В операционном зале (так они между собой называли комнату, где готовили тела) уже работал Сомдет. Он был старше Миной на двадцать лет, носил очки с толстыми линзами и никогда никуда не опаздывал, потому что жил через стену.

— Доброе утро, Мин, — сказал он, не оборачиваясь. — У нас трое. Дядя Сомчай из восьмого дома, бабушка Пим из Нонтхабури и тот мужчина, который

— Который уснул в такси, я помню, — Мин бросила сумку на стул, надела туфли и подошла к столу. — Таксист до сих пор звонит, требует компенсацию за «психологическую травму». У него спроси: он бы предпочёл, чтоб пассажир живым вышел? Сомдет вздохнул и поправил галстук.

— Ты принесла кофе?

— Кофе? — Мин застыла. — Чай. Я принесла чай. Два стакана. Остыл, конечно, пока я этого гражданина с третьего этажа спускала. Ты не представляешь, он весил как холодильник. С продуктами.

Мин подошла к маленькому столику у окна, где стояли два пластиковых стакана с чаем — зелёным, уже подзабывшим, каково это — быть горячим. Рядом валялись соломинки в обёртках.

Она взяла один стакан. Посмотрела на чай. Поставила обратно.

Ни разу за последние три месяца она не выпила чай горячим. Даже тёплым. Потому что стоило ей взять стакан в руки — кто-то умирал, или звонили родственники, или нужно было подписывать бумаги, или у бабушки Пимы отклеивался ноготь, и его надо было срочно приклеивать обратно, потому что дочь приедет только вечером и будет истерить.

Чай в «Лотосе» был символом недостижимого. Как отпуск. Как нормальный сон. Как зарплата вовремя.

— Так, — сказала Мин, потирая руки. — Давайте по порядку. Дядя Сомчай — инфаркт, да? Бабушка Пим — старость? А наш такси-френд? — Без комментариев, — сказал Сомдет. — Сказали, что сердце. Но я смотрю на него и думаю: у человека сердце было только на бумаге.

Мин хмыкнула и начала работать.

До обеда она красила губы бабушке Пим («она при жизни любила яркое», — сказала дочь, принося коробку помад, среди которых была даже фиолетовая), поправляла галстук дяде Сомчаю («он всю жизнь носил галстук с рыбками, жена сказала, что без рыбок не хоронить») и пыталась понять, куда делся левый носок такси-френда, потому что родственники прислали только один, а второй, видимо, уехал в другую жизнь.

— Сомдет, у нас есть запасные носки?

— Нет. Только те, которые бабушка Пим вязала. Но они розовые и с цветочками.

— Наденем. Мёртвому всё равно, а родственники скажут: «Ой, какой трогательный контраст».

В полдень Мин наконец посмотрела на чай.

Стаканы стояли на столике, мутные, с размокшими пакетиками внутри. Чай давно умер и, возможно, даже успел переродиться кем-то более интересным. Мин взяла стакан, поднесла к губам, зажмурилась и ...

Звонок.

— Похоронное бюро «Лотос», здравствуйте, чем мы можем — начала она.

— У нас кот умер, — сказал голос в трубке. Женский. Плачущий. — Его сбила машина. Вы хороните котов?

— Извините, мы работаем только с людьми. Но я могу дать номер ветеринарной клиники, у них есть ритуальные услуги для

— Не надо! — всхлипнула женщина. — Я сама похороню. В горшке. Под лимоном.

— Это прекрасная идея, — сказала Мин совершенно искренне.

Она повесила трубку, посмотрела на чай. Стакан был уже в её руке. Она поднесла его к губам — во второй раз за сегодня — и вдруг замерла. Потому что в чае она увидела не своё отражение. В зелёной мутной жиже, куда она так и не сделала ни глотка, плавала не Мин. Плавала какая-то женщина. С длинными волосами. В белом. И смотрела прямо на неё. Мин моргнула. Отражение женщины моргнуло тоже. Но с задержкой. Как будто кто-то под водой пытался синхронизироваться, но запаздывал ровно на полсекунды, создавая странный, почти комичный эффект «плохой видеосвязи».

— Ты чего? — спросила Мин у стакана.

Стакан молчал. Женщина в нём — тоже. Но теперь у неё на плече сидел маленький чёрный кот. Тот самый, которого сбила машина? Или другой? Кот смотрел на Мину жёлтыми глазами и, кажется, осуждал её за то, что она не выпила чай утром.

— Мин? — окликнул её Сомдет. — Ты там уснула?

— Нет, — сказала Мин, не отрывая взгляда от стакана. — Просто смотрю.

— На чай?

— На чай.

— Там что-то интересное?

— Там женщина с котом.

Пауза. Сомдет снял очки, протёр их, надел обратно.

— Я всегда говорил, что тебе надо спать больше, — сказал он. — А не сидеть тут с покойниками до ночи.

— Я не сижу до ночи. Я сижу до утра. Это разные вещи.

Мин моргнула ещё раз. На этот раз специально, долго, со вкусом. Открыла глаза. В стакане был чай. Обычный мутный зелёный чай с размокшим пакетиком. Никакой женщины. Никакого кота. Только какой-то осадок на дне, похожий на пепел.

— Слушай, Сомдет, — сказала Мин, ставя стакан обратно на столик. — Ты когда-нибудь видел в своей жизни что-то странное?

— Я работаю в похоронном бюро двадцать три года, — ответил Сомдет, не оборачиваясь. — Я видел покойника, который улыбался. Я видел родственников, которые дрались за кольцо ещё до того, как мы закрыли крышку. Я видел женщину, которая пришла на похороны мужа в красном платье и с любовником. Странное — это моё нормальное.

— Нет, — сказала Мин. — Я про настоящее странное. Когда чай смотрит на тебя.

— Чай?

— Забудь.

Она подошла к столу, взяла помаду бабушки Пимы (фиолетовую) и начала перекрашивать губы такси-френду. Просто так. Потому что надо было занять руки.

В голове крутилось одно: «Женщина в чае была не я. Я не ношу белое. И у меня нет кота. И я не улыбаюсь вот так — с намёком».

Она посмотрела на стакан ещё раз. Потом на Сомдета.

— Я могу выпить чай?

— Это твой чай.

— А если я его выпью, женщина исчезнет навсегда?

Сомдет наконец обернулся. Посмотрел на неё долгим взглядом человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться живых дураков.

— Ты уверена, что хочешь это обсуждать при них? — он кивнул на столы.

Мин посмотрела на дядю Сомчая (галстук с рыбками), бабушку Пим (фиолетовые губы — уже её рук дело) и такси-френда (розовые носки с цветочками).

— Они не выдадут, — сказала Мин. — Они вообще молчуны.

Она взяла стакан, поднесла к губам и выпила чай одним глотком. Холодный. Горький. С привкусом чего-то странного — не то мятного, не то больничного.

— Ну что? — спросил Сомдет.

— Вкус ужасный, — сказала Мин. — И женщина исчезла. Или мне показалось.

— Тебе показалось. — Да. Точно показалось.

Она улыбнулась. Сомдет покачал головой и вернулся к работе.

Мин посмотрела в окно. За окном был Таиланд: жёлтое такси, торговка фруктами, собака, которая спала посреди тротуара, будто купила его в ипотеку. Всё нормально. Всё обычно.

Только на столике, в пустом стакане, на доньшке оставалась одна маленькая чёрная ниточка — от пакетика. Или не от пакетика. Или не ниточка.

Но Мин уже не смотрела.

Она красила губы такси-френду фиолетовым и думала про отпуск. Которого не будет. Потому что в похоронном бизнесе выходных нет. Даже когда чай показывает тебе женщин с котами.

— Завтра чай буду пить горячим, — сказала Мин себе под вечер. — Обязательно. С лимоном. И с печеньем.

Она не выпила.

Потому что в восемь вечера привезли нового клиента.

А чай остался стоять на столике. Остывать. И, может быть, смотреть на Мину чьими-то чужими глазами.

Но Мин об этом не знала.

Она работала.

Глава 2

Зеркальце

Мин проснулась от того, что в горле стоял чужой смех.

Не её. Не Сомдета. Не покойников, которые, слава богам, молчали даже в самые жуткие ночи.

Чей-то — сухой, будто треснувший колокольчик, — смех затих ровно в ту секунду, когда Мин открыла глаза. Комната была обычной: пыльный вентилятор на потолке, стопка грязной одежды на стуле, телефон, который она забыла поставить на зарядку, и...

И в её ладони лежало зеркальце.

Маленькое. Старое. Металлическая оправка когда-то была серебряной, но успела почернеть до цвета дохлой рыбы. С обратной стороны — выцарапанный цветок, похожий на лотос, только сломанный. Лепестки расходились в стороны, как будто их кто-то раздавил пальцем.

Мин села на кровати. Посмотрела на зеркальце. Посмотрела на свои пустые руки — вторая была свободна. Провела ею по лицу, по шее, по волосам.

— Ты чья? — спросила она у зеркальца.

Молчание. Мин открыла его.

Внутри было стекло. Мутноватое, с какими-то разводами, будто зеркало когда-то плакало. Отражало плохо — вместо лица Мины там маячило что-то расплывчатое, бледное, с глазами, которые смотрели не в ту сторону.

— Красивое, — сказала Мин и сама не поняла, зачем это сказала.

Вчера она заснула в половине двенадцатого. Это было поздно даже по меркам похоронного бюро «Лотос», где нормальным считалось засыпать в пол-одиннадцатого, а просыпаться в шесть, потому что клиенты не спрашивают, выпалась ли ты.

Перед сном она сделала то, чего делать было нельзя.

Не то чтобы ей кто-то запрещал. Просто бабушка Мин — давно мёртвая, но от этого не менее авторитетная — всегда говорила: «Не смотришь в зеркало после полуночи. Особенно если зеркало не твоё. Особенно если ты работаешь с мёртвыми.»

— Ты просто старая и боишься темноты, — отвечала ей Мин при жизни.

Бабушка тогда обижалась и уходила варить суп. Теперь она не обижалась. Теперь она вообще никак не реагировала, потому что лежала на кладбище в провинции Нонгкхай и, надо думать, занималась там чем-то более важным, чем воспитание взрослой внучки.

Но вчера, в одиннадцать сорок, Мин вспомнила про бабушку. Потому что в руках у неё было зеркальце.

Она нашла его при уборке. Такси-френд — тот самый, без носка, в розовых цветочках — при жизни был, судя по вещам, человеком привычек. В кармане его рубашки (дешёвой, синтетической, с пятном от кофе, которое уже ничем не вывести) лежало это зеркальце. В маленьком потертом кошельке. Вместе с засохшим лепестком цветка и запиской на тайском, которую Мин не стала читать, потому что записки мёртвых она не читала принципиально.

— Зачем тебе зеркальце, дядя? — спросила Мин у такси-френда.

Он, разумеется, промолчал. И, разумеется, не ответил, когда Мин сунула зеркальце в карман своего халата, чтобы потом, на досуге, рассмотреть получше.

Она не украла. Собиралась вернуть. Но сначала хотела рассмотреть.

В одиннадцать сорок, когда Сомдет ушёл домой пить свой вечерний чай с жасмином, а в бюро остались только Мин и трое клиентов (уже обработанные, тихие, накрытые простынями), она села на свой рабочий стул, достала зеркальце и посмотрела в него.

Нарушение номер один: чужое зеркало.

Нарушение номер два: время.

Нарушение номер три: она работала с мёртвыми, и руки у неё были в формальдегиде и пыльце с искусственных цветов.

— Бабушка, ты бы меня убила, — сказала Мин в пустоту.

Пустота не ответила. Но зеркальце — да.

Сначала Мин подумала, что это просто блик. Лампы в бюро были старыми, жёлтыми, они мигали, когда кондиционер включался слишком мощно. Но блики не двигаются сами.

А в зеркальце двигалось. Не её отражение. Что-то позади. Что-то белое, размытое, с длинными руками, которые висели, как у тряпичной куклы, забытой на верёвке.

Мин не испугалась. Она работала с мёртвыми девять лет. Страх закончился где-то на втором году, когда она поняла, что живые гораздо страшнее. Живые требуют, злятся, плачут, торгуются, угрожают. Мёртвые просто лежат и ждут.

Но белая штука в зеркале не лежала. Она двигалась. Медленно, неуклюже, как будто училась ходить заново. Приближалась к Мине.

— Эй, — сказала Мин. — Ты вообще кто?

Белое не ответило. Но остановилось. И в тусклом свете ламп Мин вдруг разглядела, что это не «что-то». Это кто-то. Женщина. В белом. С длинными волосами, которые падали на лицо, скрывая глаза. И на плече у неё...

Кот. Маленький, чёрный. С жёлтыми глазами, которые Мин уже видела сегодня. В чае. В стакане, который она выпила до дна, думая, что это просто галлюцинация.

— Ты та самая, — сказала Мин. — Из чая.

Женщина не ответила. Но кот мяукнул.

Странно, но Мин услышала этот мяук не ушами. Она услышала его где-то в затылке. Будто кот залез ей прямо в мысли и сказал: «Мы уже близко».

И тогда Мин сделала третье нарушение. Самое главное. То, из-за которого бабушка, наверное, перевернулась бы в гробу, если бы гроб не был залит бетоном.

Мин спросила:

— Чего ты хочешь?

Зеркальце нагрелось в её руке. Всего на секунду. Как будто внутри него кто-то выдохнул.

А потом женщина в белом подняла голову.

У неё не было лица.

Не то чтобы пустота. Не то чтобы кости. Просто на том месте, где должны быть глаза, нос, рот, — гладкая белая кожа, как у куклы, которую кто-то забыл раскрасить. И только одна деталь: на правой щеке — родинка. Точно такая же, как у бабушки Мин.

— Бабушка? — прошептала Мин.

Женщина шагнула вперёд. Сквозь стекло. Сквозь оправу. Сквозь пальцы Миной, которые вдруг стали ледяными.

И мир погас.

Она спала.

Сомнамбулический сон, тяжёлый, как сырое одеяло. Ей снилось, что она идёт по храму. Не по тому, где пруд с черепахами, а по другому — заброшенному, с облупившимися стенами и статуями Будды без голов. Пол был каменным, холодным, и каждый шаг отдавался в позвоночнике глухим стуком.

В руке у неё было зеркальце. Оно вело. Как компас. Как нить.

В конце коридора горела одна свеча. Перед ней — что-то маленькое, круглое, похожее на чашу. Или на таз. Или на ...

— Не подходи, — сказал кто-то сбоку.

Мин обернулась. Рядом стоял Сомдет. Но не тот Сомдет, который носит очки с толстыми линзами и пьёт жасминовый чай. Этот Сомдет был старым. Очень старым. С лицом, которое плавилось, как воск.

— Ты нарушила ритуал, — сказал старый Сомдет. — Теперь она придёт. Или ты к ней.
— Кто — она?

Старый Сомдет не ответил. Растаял. Остались только очки. Они упали на каменный пол и разбились, как только коснулись земли.

Мин подошла к свече. Посмотрела вниз.

В чаше была вода. Мутная, зелёная, с разводами. На поверхности плавал маленький чёрный волосок. И лепесток лотоса — сломанный, раздавленный, точь-в-точь как на зеркальце.

— Ты должна наклониться, — сказал голос. Женский. Без лица. С родинкой на щеке. — Наклониться и посмотреть.

— А если не наклонюсь?

— Тогда не узнаешь, чего мы хотим.

Мин колебалась ровно секунду. Потом взяла зеркальце, поднесла его к воде и посмотрела сквозь стекло — в отражение отражения.

Вода закипела. Не горячо — холодно. Пузыри лопались, оставляя на поверхности чёрные дыры, которые тут же затягивались. А в центре, прямо под лепестком, Мин увидела лицо.

Не женщины. Не кота. Своё собственное лицо. Только глаза были чужие — жёлтые, кошачьи. И она улыбалась.

— Теперь ты наша, — сказала отражение.

— Ну уж нет, — ответила Мин и со всей силы хлопнула зеркальцем по воде.

Брызги полетели вверх. Свеча погасла. Храм рухнул.

И Мин проснулась.

В её руке лежало зеркальце. Холодное, тяжёлое, настоящее.

Она сидела на кровати, сжимала его и чувствовала, как внутри металла что-то пульсирует. Не живое — почти. Как сердце эмбриона. Еле слышно.

— Ты мне снилась, — сказала Мин зеркальцу. Зеркальце не ответило. Но Мин готова была поклясться, что в темноте комнаты кто-то мяукнул. Один раз. Коротко. И замолчал.

Она включила свет. Никакого кота. Никакой женщины. Только вентилятор, одежда на стуле, телефон, который всё ещё не заряжен, и зеркальце.

Мин открыла его. Посмотрела.

Теперь отражение было правильным. Её лицо — уставшее, с мешками под глазами — смотрело прямо. Никаких жёлтых зрачков. Никакой чужой улыбки.

— Ладно, — сказала Мин. — Сегодня разберусь.

Она положила зеркальце на тумбочку, встала, пошла чистить зубы и по пути наступила на что-то мягкое.

Чёрный волос. Длинный. Не её. У Миной волосы короткие, потому что она их сама стрижёт кухонными ножницами, когда становится жарко.

— Ну конечно, — сказала Мин. — Конечно, волос.

Она подняла его, посмотрела и бросила в мусорное ведро. Волос упал на дно и замер. Лежал. Ждал.

Мин выключила свет и пошла на работу.

В похоронном бюро «Лотос» Сомдет уже был на месте. Он пил чай — горячий, из термоса — и читал газету.

— Ты сегодня бледная, — сказал он, не поднимая головы. — Плохо спала?

— Мне снился ты, — ответила Мин, натягивая халат. — Старый. Плавающийся.

— Приятно, — сказал Сомдет. — Я в жизни не плавлюсь. Даже в жару.

Мин села за стол, достала зеркальце из кармана (да, она взяла его с собой или нет?) и положила на столешницу. Сомдет покосился, но ничего не сказал.

— Слушай, — спросила Мин. — Ты веришь, что зеркала могут быть не просто зеркалами? — Я верю, что у нас трое клиентов и ещё один в пути, — ответил Сомдет. — А остальное — твои личные трудности.

Мин усмехнулась. Взяла зеркальце, открыла его и посмотрела на своё отражение.

— Чего ты хочешь? — спросила она шёпотом. Ничего не произошло. Только лампочка над головой моргнула один раз — и снова загорелась.

— Показалось, — сказала Мин и убрала зеркальце в карман.

Но глубоко внутри, там, где металл соприкасался с тканью халата, зеркальце пульсировало. Тихо. Настойчиво. И ждало. Оно знало: Мин ещё спросит. А когд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.